

УДК 94(47)''11'':321(045)

*Н.Д. Николаева***ИНТРОНИЗАЦИЯ ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА В КИЕВЕ (1146 г.)
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РУСИ**

Аннотация. В статье предпринята попытка разрешения историографического «оксюморона» – сосуществования представлений о князе Изяславе Мстиславиче как правителе-новаторе и правителе-архаике. В качестве отправной точки для исследования выбрана интронизация Изяслава в Киеве в 1146 г. Данный выбор обусловлен тем, что именно это ритуальное действие является средоточием политико-идеологических конструктов и паттернов, которые положены в основу правления князя. На основании анализа источников автор приходит к выводу о том, что нововведения, привнесенные Изяславом Мстиславичем в интронизацию – посещение храма св. Софии, поклонение Богородице, лития – представляли собой проявление протяженного во времени и пространстве общественно-политического процесса. Речь идет о трансформации системы взаимоотношений в среде властной элиты: выделении аристократии в качестве противовеса княжеской власти и попытке князей создать опору в лице другой категории крупных землевладельцев – духовенства.

Ключевые слова: Изяслав Мстиславич, Владимир Мономах, интронизация, духовенство, аристократия, кризис государства трибутарного типа.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-151-159

Великое княжение Изяслава Мстиславича (1146–1154 гг.) не раз находилось в фокусе внимания исследователей. При этом высказываются совершенно различные, порой диаметрально противоположные суждения. С одной стороны, Изяслав в противовес Юрию Долгорукому, признается «фигурой трагической», сыгравшей в истории «архаическую роль»: примером политического лидера для этого Мстиславича был его дед Владимир Мономах, однако его внук не хотел понимать, что времена изменились и тип князя-воина, актуальный еще во времена Владимира, стремившегося собрать воедино все русские земли, уже не соответствовал реалиям середины XII в. [22, с. 116] Выражаясь словами Е. Ф. Шмурло, «тень Владимира Мономаха легла и на Изяслава, убежать от нее, окончательно порвать со стариной и родовыми основами жизни ему было не под силу» [25, с. 130]. С другой стороны, период великого княжения Изяслава признается временем, когда «архаическая практика» светской инвеституры была заменена на церковную [5, с. 12; 11, с. 98]. Новатором Изяслав выступает и в вопросах использования родственных связей в политических целях: на время правления князя приходится единственное подробное описание практики конструирования вертикального родства при помощи публичного обряда [13, с. 51]. При этом новаторство Изяслава рассматривается как проявление ситуативных интересов князя, обусловленных прогрессирующей политической раздробленностью Руси середины XII в. (а иногда даже отрицается вовсе [1, с. 13–18]). Подобный историографический оксюморон – князь-архаик, «традиционалист» и в то же время князь-новатор, отвечающий на «вызовы» времени, в одном лице – требует детального анализа.

В данной статье мы обратимся к хронологически первому событию в истории великого княжения Изяслава – его интронизации в 1146 г. Значение этого акта для традиционного средневекового общества – «эпохе повышенного внимания к ритуалу» [21, с. 115] – трудно переоценить. В занятии престола наиболее отчетливо проявляются представления о власти, свойственные ее представителям и обществу в целом [7, с. 17]. Обретение нового правителя есть «необходимое условие прекращения хаоса», а интронизация – «восстановление высшей космической связи» [20, с. 103]. То есть именно это ритуальное действие является средоточием политико-идеологических конструктов и паттернов, которые положены в основу фундамента правления князя.

Итак, большинство исследователей считают Изяслава в вопросе проведения интронизации новатором, объясняя причины, побудившие князя ввести в данный процесс новые элементы, необходимостью дополнительных средств легитимации власти [16, с. 207]. В этой ситуации, как минимум, возникает один очевидный вопрос: почему Изяславом было выбран именно такой путь обоснования своего утверждения на киевском престоле? Вероятно, из соображений того, что он будет наиболее действенным. Но почему именно он представлялось князю эффективным? Попытаемся ответить на поставленные вопросы.

Интронизация Изяслава: летописный сюжет и историографическая традиция

Интронизация Изяслава Мстиславича в 1146 г., подробно описанная в Ипатьевской летописи, включала следующие элементы: молитва, встреча князя киевлянами и духовенством, посещение св. Софии [19, стб. 327]. Собственно, элементом, не встречавшимся в подобных практиках ранее, было посещение храма св. Софии и поклонение Богородице. Второй в истории Киевской Руси была и встреча Изяслава в Киеве духовенством. Еще один важный аспект, на который обратил внимание А. Ю. Виноградов, заключается в том, что летописец впервые делает акцент на том, что церковники были «в ризах», что свидетельствует о сопровождении восшествия Изяслава на престол торжественным богослужением – литией [5, с. 12].

Истоки подобных новшеств исследователи находят в существовавшей с VII в. в Византии традиции возложения патриархом на голову императора диадемы у входа в Святую Софию [2, с. 14]; византийское начало кроется и в поклонении Богородице, и во встрече князя духовенством [5, с. 12]. Однако следует заметить, что Изяслав не зарекомендовал себя в качестве последовательного сторонника империи. Политика князя скорее была ориентирована на страны Латинской Европы. Подтверждением этому служат совместные польско-русские и венгеро-русские военные кампании (вендский поход 1147 г.¹ и междоусобицы на Руси [19, стб. 384–385]). Также эти отношения подкреплялись матримониальными связями: браком сына Изяслава Мстислава с польской княжной Агнешкой², а также союзом сестры Изяслава Ефросиньи и венгерским королем Гезой III³. Самой же красноречивой акцией, продемонстрировавшей отношение князя к константинопольскому патриархату и империи в целом, стало самовольное возведение в сан митрополита Климента Смолятича [19, стб. 340] – второго русина на киевской кафедре после Илариона.

Казалось бы, в этой ситуации следует обратить внимание на очевидную преемственность между политикой внука и деда – Изяслава Мстиславича и Владимира Мономаха, на которую указывает даже летописец, называя Изяслава «ты на^{III} Володимирь ты на^{III} Мьстиславь» [19, стб. 370]. Именно вокняжение Владимира в Киеве является первым примером участия духовенства в акте интронизации. Большинство историков сходятся во мнении, что подобные нововведения были привнесены Владимиром как необходимое дополнительное средство легитимации власти ввиду внеочередного занятия им киевского престола. И вдохновился князь примером Византии, будучи генетически связан с империей и, в принципе, следуя сложившейся практике использования византийского опыта как примера для подражания [5, с. 13; 11, с. 98]. В этом контексте, на первый взгляд, представляется логичным, что интронизация Изяслава являет собой своеобразное расширение ритуала, введенного его дедом: приветствие князя духовными лицами приобретает характер литии, к которой добавляется посещение св. Софии с поклоном Богородице⁴. Этими дополнениями могло быть компенсировано отсутствие в 1146 г. на киевской кафедре митрополита.

Однако самого Владимира Мономаха тоже чрезвычайно сложно назвать последовательным приверженцем Византии и византийской политической мысли. Так, вопреки традиции канонизации при Владимире получил свое окончательное оформление культ свв. Бориса и Глеба. При его отце Всеволоде и при самом Мономахе получает развитие культ св. Николы Вешнего, не принятый Константинополем. Наконец, Мономах поддержал авантюриста Лже-Диогена, претендовавшего на византийский престол, и развязал войну с империей, пытаясь укрепиться на Дунае.

Учитывая подобные обстоятельства, можно предположить, что и Владимир, и Изяслав привлекали византийские политические традиции в интронизации, создавая свой собственный политико-

¹ Вопрос о том, какой именно русский князь привел свои полки в Польшу, считается по сей день дискуссионным. Однако с наибольшей долей вероятности можно говорить о войске киевского князя Изяслава Мстиславича (см. подр.: Головкин, О. Б. Русь і Польща в міжнародному житті Європи (X – перша половина XIII ст.) / О. Б. Головкин. – Київ: б/и, 2021. С. 238–240.).

² Точных сведений о данном матримониальном союзе в источниках не сохранилось. Но велика вероятность, что брак был заключен именно между Агнешкой и Мстиславом (см. подр.: Dąbrowski D. Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (od początku XIV wieku). Kraków, 2008. С. 224.).

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 407.

⁴ В этом случае следует согласиться с убедительными выводами А. Ю. Виноградова о том, что в летописи имелся в виду поклон иконе св. Богородице, а не поклон Десятиной церкви (См. подр.: Виноградов А. Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики: ежеквартальное издание, 2022. № 2 (88). С. 12.

идеологический конструкт. В этом случае как нельзя лучше подходит метафорическое выражение В.В. Долгова о том, что русские князья использовали византийские идеи «в качестве деталей конструктора, которые служили украшению самодельной идеологической системы» [9, с. 19]. Однако возникает вопрос о том, что представляла собой в целом подобная система, куда встраивались византийские элементы?

Природа нововведений в интронизацию и общественно-политические реалии XII века

Для понимания природы нововведений Изяслава в интронизацию следует начать с истоков – восшествия Владимира на великокняжеский престол в 1113 г. Итак, князя встречают митрополит и епископы. Как убедительно показал Я. Н. Шапов, для истории Древней Руси характерна тесная связь светской политической организации и церкви [26, с. 3]. Пожалуй, наиболее красноречивый пример присутствует в истории второй половины XI в. – феномен трех митрополий в столицах трех князей-триумфиров Изяслава, Святослава и Всеволода. В этой связи представляется совершенно не случайным то, что именно в начале XII в. в качестве дополнительного средства легитимации власти выступает встреча митрополитом и епископами князя в Киеве.

Весьма вероятно, что привлечение духовенства может быть проявлением неких глобальных процессов, отразившихся в политической сфере Руси в этот период. В данном случае следует обратить внимание на такое явление, которое П. С. Стефанович назвал кризисом государств трибутарного типа, проявившее себя в странах Центральной и Восточной Европы во второй половине XI–XII вв. Суть данного явления состояла в кардинальной смене основы отношений между князем и военной элитой: взимание дани с покоренных народов постепенно вытеснялось более сложной системой взаимной выгоды и «договорно-согласительных механизмов» [23, с. 88], где основным консолидирующим фактором становились земельные пожалования. Обратной стороной процесса было превращение дружинников в землевладельческую знать, которая приобретала серьезный политический вес. При этом все более дававшая о себе знать децентрализация Руси в совокупности с усилением знати должна была заставить князей искать опору своей власти. И именно церковная элита была лучшим кандидатом на роль их сторонников. Тем паче, что в середине-второй половине XI в. получила свое развитие практика постройки княжеских монастырей [26, с. 131]. Следствием этого процесса стало превращение церкви в крупного земельного собственника.

Данное предположение подтверждают события рубежа XI–XII вв. Приведем несколько наиболее красноречивых примеров. К этому периоду относится первый встречающийся в летописи пример участия епископов и игуменов в городских собраниях при решении политических вопросов. Речь идет о суде над Олегом Святославичем в 1095 г., на который Святополк Киевский и Мономах призывают его следующим образом: «Поиди Кыеву ать радь учинимъ в Руской земьль предь еп^спы игумены и предь мужи шць нашихъ и перь^л горожаны» [19, стб. 220]. Показателен и ответ на призыв самого Олега: «сице нъ^сльпо судити еп^спомъ и черньцемъ или смердомъ» [Там же]. По сути, для князя «чернец» и «смерд» – это рядоположенные понятия: церковь содержится князьями и получает от них землю, а духовные лица не являются ни «мужами», ни «людьми» (общинниками); соответственно они не кто иные, как смерды.

Иными словами, именно представители духовенства, будучи крупными землевладельцами, рассматривались князьями как опора их власти и как противовес светским земельным держателям. И именно поэтому игумены стали участниками политических собраний, дополнив список других представителей церковной иерархии – епископов. Примечательно, что земельная собственность церковных кафедр также формируется, согласно источникам, в XII в. [26, с. 87] Таким образом, введение в интронизацию духовенства представляет собой не форму легитимации власти, примененную «ad hoc», а часть более глобального процесса политического развития государства. При этом к византийскому опыту оно имеет весьма опосредованное отношение.

Более того, именно на время политической активности Владимира Мономаха приходится особое внимание к персоне митрополита Никифора: его деятельность в летописи освещена наиболее подробно в сравнении с предшественниками, что было обусловлено существованием своеобразного тандема между Мономахом и Никифором [10, с. 72–73; 24, с. 142–145]. Однако, несмотря на все свои заслуги перед князем и большие литературные труды, Никифор не удостоился от составителя летописания каких-либо похвальных слов [6, с. 329]. Вероятно, что это связано с греческим происхождением митрополита и его антилатинской позицией, четко выраженной в «Послании о вере латинской».

То есть Никифор был тем духовным лицом, в котором Мономах видел опору, однако расхождения во взглядах на отношения с Латинской Европой не давали возможности для реализации безоговорочной схемы взаимодействия между князем и митрополитом. Эту проблему в дальнейшем попробует решить внук Мономаха Изяслав.

Говоря об интронизации Изяслава Мстиславича, следует обратить внимание на то, что в процессии 1146 г., в отличие от практики вокняжения Мономаха, участвовало монашество – игумены и черноризцы, что также весьма симптоматично, учитывая общий ход политического развития Руси второй половины XI–XII вв. Более того, в 1147 г. именно усилиями Изяслава на киевской митрополичьей кафедре был утвержден русин Климент Смолятич [19, стб. 340]. Эта акция, предпринятая князем, была направлена на создание прочной опоры власти в лице главного церковного иерарха на Руси.

Справедливость подобных суждений подтверждается еще и многочисленными фактами участия духовенства в решении политических задач на протяжении великого княжения Изяслава Мстиславича. Так, митрополит Климент в 1147 г. наравне с тысяцким Лазарем в условиях назревшего противостояния «младших» Мономашичей и черниговской ветви Рюриковичей организует городской собор и озвучивает призыв Изяслава Мстиславича идти на Ольговичей [19, стб. 348–349]. И хотя «митрополить же възбранаше имъ» покушаться на жизнь Игоря [Там же, стб. 349], этот князь был убит, а его тело помещено в церковь св. Михаила. И здесь разворачивается самая любопытная часть сюжета. Согласно летописи, ночью у тела Игоря произошло чудо. В это время рядом с покойным находились новгородцы, которые утром рассказали о случившемся Клименту. Митрополит повел себя в этой ситуации не как священнослужитель, а как прагматик, руководствовавшийся интересами князя Изяслава: Климент «запрѣти да никомоуже не повѣдать но повелѣ потаити такоую бл҃гѣть Боу» [Там же, стб. 354]. С политической точки зрения утаить «благодать Божью» было единственно верным решением, иначе нового витка межкняжеского противостояния (с сакральным перевесом в сторону черниговских Рюриковичей) было бы не избежать. Более того, Климент посылает за игуменом белгородским Федором, который отпевает усопшего и отвозит в другой конец Киева в монастырь св. Симеона [Там же]. На отнюдь не случайные обстоятельства смерти Игоря намекает даже сам составитель летописи: «уже людемъ речи яко Изяславъ оуби и или повѣлелъ оубити но то кнѣже Бѣ вѣдаетъ» [Там же, стб. 354–355]. Данный сюжет еще раз демонстрирует то, насколько был велик политический вес духовенства в период великого княжения Изяслава.

Далее, в 1148 г. в разгар междоусобной борьбы игумен печерского монастыря Федос и белгородский епископ Федор были направлены Изяславом с дипломатической миссией к черниговским Рюриковичам [Там же, стб. 365–366]. А в августе 1149 г. мы видим, как Климент вместе с Изяславом покидает Киев, который временно занял Юрий Долгорукий [Там же, стб. 383].

Более того, следует обратить внимание на место в церковной иерархии духовных лиц – активных участников политического процесса. Помимо митрополита, который был обязан Изяславу своим статусом, это представители Белгородского и Киево-Печерского монастырей. Развитие белгородской политики в XI–XII вв. напрямую связывается со становлением там епископии: собственно, сам Владимир в 1117 г. перевел Мстислава из Новгорода в Белгород, что окончательно закрепило за последним высокий сакрально-политический статус. Белгород становится опорным пунктом, обладая которым потомки Мстислава («младшие» Мономашичи) вели борьбу за Киев [12, с. 179]. То есть вся совокупность сведений позволяет нам считать, что белгородский епископ был лучшим кандидатом на роль политического сторонника князя.

Киево-Печерский монастырь обладал особым положением, которое как нельзя лучше выражено в Повести временных лет: «мнози бо манастири ѿ цѣрь и ѿ боярь и ѿ баства поставлени но не суть тацѣ кации же суть поставлени слезами и пощениемъ и млтвоу и бдѣниемъ» [19, стб. 147–148]. В силу особого статуса, равно как и того факта, что этот монастырь быстро стал духовным центром Руси, отношения его представителей с князьями в XI–XII вв. складывались по-разному. Однако властные элиты не могли не считаться с чрезвычайно высоким авторитетом этого монастыря. И привлечение его духовенства к политическим делам в условиях раздробленности было более, чем логичным решением. В свое время Мономах сделал ставку на митрополита-грека Никифора, что сработало, согласно формуле, предложенной М. Д. Приселковым: «хорошие отношения с митрополитом предполагают

дурные отношения к Печерскому монастырю» [17, с. 180]⁵. Политические же устремления Изяслава, поставившего митрополита-русина, во многом соответствовали позиции Киево-Печерской обители. Как заметил еще Б.Д. Греков, «с момента своего основания Киево-Печерский монастырь стал поддержкой Ярослава в его стремлении к церковной самостоятельности» [8, с. 410].

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что инtronизация Изяслава (равно как и последующая политика, направленная на расширение участия духовенства в вопросах государственной важности) вполне соответствовала условиям общественно-политического развития Руси середины XII в. Начавшийся при Мономахе процесс достиг при Изяславе более широких масштабов. Памятью о концепции кризиса трибутарного государства, стоит отметить немаловажную деталь, на которую указала К.С. Гвозденко со ссылкой на работу Р. Шмидта: именно в XII в. и в чешской церемонии инtronизации, до этого времени носившей исключительно светский характер, тоже появляется религиозная компонента [7, с. 34].

Практика инtronизации других участников междоусобицы середины XII века

На первый взгляд представляется, что в логике изложенных выше рассуждений есть несколько нюансов. В частности, это отсутствие постоянной практики встречи духовенством при въезде в Киев у других князей, равно как и иных церковных атрибутов инtronизации. Так, поклон св. Софии имеет место лишь при повторном вокняжении Изяслава в столице в 1150 г. [19, стб. 397] Единственным князем, который посещал в этот период храм в ходе инtronизации помимо Изяслава, был Вячеслав [Там же, стб. 418]. Также участие духовенства во время торжественного въезда князей в Киев мы наблюдаем в 1151 г., когда Изяслав и его соратники возвращались после победы над Юрием Долгоруком [Там же, стб. 441].

Однако еще три князя-участника междоусобной борьбы середины XII в., попеременно занимавшие Киев, не прибегают к церковной атрибутике. Въезд в Киев главного антагониста Изяслава Юрия Долгорукого в 1149 г. сопровождается просто собранием горожан: «и множество народа выде противу ему с радостью великою и съде на столъ ѿца своего хвала и слава Бѣ» [Там же, стб. 383]. Такая же акция проводится и при повторном вокняжении Юрия уже после смерти Изяслава в 1155 г. [Там же, стб. 478]

Однако в случае Юрия Владимировича нельзя не учитывать тот факт, что этот князь зарекомендовал себя как политик, ориентированный на Византию. В связи с этим, отсутствие духовенства при его восшествии на киевский престол в 1149 и 1155 гг. может быть объяснимо запретом на епископские богослужения в св. Софии, вынесенном митрополитом-греком Михаилом, который покинул столицу Руси в 1145 г. [4, с. 41]. То же можно сказать и о вокняжении Ростислава Мстиславича в 1154 г.: следует вспомнить, что смоленский епископ Мануил, являвшийся по сути ставленником князя Ростислава, благодаря политическим амбициям которого в Смоленске появилась епархия [14, 15], в 1147 г. выступил против появления на митрополичьей кафедре Климента Смолятича. И это вряд ли могло не соответствовать позиции самого князя Ростислава. Кратковременное княжение Изяслава Давыдовича в Киеве в 1154 г. в принципе было иным по характеру – осуществлено против воли киевлян: «Изяславъ же посла Кияномъ река хочю к вамъ поѣхати вни же боячеса Половецъ зане тогды тѣжко баше Кияномъ» [19, стб. 476]. Иными словами, отсутствие духовенства и сакральных компонентов во время инtronизации всех трех князей объяснимо ситуативными аспектами.

При этом, если мы имеем дело с масштабными процессами, в истории должны присутствовать иные случаи участия духовных лиц в политических или политико-идеологических акциях указанных князей. И такие примеры находятся. Участие Ростислава Мстиславича в создании епископии в Смоленске уже говорит само за себя. Юрий Долгорукий в 1156 г., когда на Русь пришел поставленный именно византийской патриархией митрополит Константин, принимает от него благословение: «и блгословиша кнѣзѣ Дюрга Володимирича» [19, стб. 485]. Собственно, и Изяслав Давыдович позднее, в 1161 г. делает то же самое: «вниде в Киевъ мѣца феврала въ вѣ и вшедь въ Софью вси^м дасть прощение Кианомъ ихъже баху изоимали» [Там же, стб. 516].

⁵ Лишь вернувшийся из Новгорода в 1117 г. Мстислав сумел наладить коммуникацию между отцом и духовенством из этого монастыря. См.: Гайденок П.И. Место русской церковной иерархии в событиях киевского восстания 1113 г. // Клио. 2011. № 1 (52). С. 36.

Представляется симптоматичным еще и то, что князья всех трех упомянутых земель – Ростово-Суздальской, Черниговской и Киевской – будут вовлечены в т. н. «церковный кризис» на Руси 60-х гг. XII в. Так, в 1164 г. преемник Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский, сместит с епископской кафедры Леонтия за попытку принудить князя к соблюдению постов в господские дни. По мнению историков, за канонической тематикой споров скрывались острейшие политико-идеологические противоречия: в частности, попытка князя Андрея утвердить на епископской кафедре своего ставленника Федора [3, с. 137; 17, с. 363–367]. В Чернигове в 1168 г. епископ Антоний будет смещен с кафедры Святославом Всеволодовичем за то же, за что ранее поплатился карьерой Леонтий [18, стб. 354]. Даже взятие Киева в том же 1168 г. войсками сына Андрея Боголюбского Мстислава в Лаврентьевской летописи преподнесено сквозь призму спора о постах – как расплата за «митропличу неправду, в то бо время запрѣтили бѣ Поликарпа игумена Печерьского» [Там же, стб. 354–355].

Иными словами, пример политических элит середины XII в. показателен в том плане, что они так или иначе привлекали духовенство для реализации своих политико-идеологических задач. Эти обстоятельства лишь подтверждают высказанную ранее идею о масштабных общественно-политических процессах, протекавших на Руси во второй половине XI–XII вв., проявлением которых и стало особое внимание князей к священнослужителям и участие последних – символическое или реальное – в решении государственных вопросов.

Между Владимиром и Изяславом: практики интронизации в 20-30-е гг. XII века

Остается еще один аспект, требующий пояснения – практики интронизации, осуществлявшиеся в период между великим княжением Владимира Мономаха и Изяслава Мстиславича, в которых далеко не всегда представлена религиозная компонента.

Историками уже была высказана мысль о том, что в случаях, когда престол среди русских князей передавался согласно воле умирающего князя, интронизация нового киевского правителя отсутствовала [5, с. 7]. Так, объяснение прав Мстислава на киевский престол совершенно отчетливо считывается в летописи: Владимир Мономах «комуждо ихъ [из сыновей – прим. Н.Н.] раздаяль волости», а Мстислав «старѣишии снѣ его сѣде на столѣ в Киеве» [19, стб. 289]. В 1132 г. занятие престола Ярополком Владимировичем объяснено волей покойного Мстислава: «Престависа блгѣвѣрныи кнѣзь Мъстиславъ Володимеръ снѣ оставивъ кнѣжение брату своему Ярополку» [Там же, стб. 294]. В 1139 г. Вячеслав Владимирович находится в Киеве у смертного одра Ярополка [Там же, стб. 302]. Однако отсутствие прямой информации о предсмертной воле князя и тот факт, что Вячеслав не был самым старшим в роду Рюриковичей, стали причиной того, что «и вниде Вячеславъ браѣ его в Къиєвъ и люде^м с митрополито^м срѣтши^м его и посадиша ина столѣ прадѣда своего Ярослава мѣца февра^ѣ къ днѣ» [18, стб. 306]. Появление в Киеве представителя черниговской ветви Рюриковичей Всеволода Ольговича тоже весьма любопытно: как известно, Вячеслав уступил Всеволоду Киев при посредничестве митрополита, который не только «смири» братьев, но и «оутверди я [решение о передаче Киева – прим. Н.Н.] крѣтмъ чѣтнѣмъ» [Там же, стб. 307].

Иными словами, практики интронизации киевских князей, производившиеся в период между правлениями Владимира Мономаха и Изяслава Мстиславича, ситуативны: привлечение духовенства к этому процессу присутствует тогда, когда требуется дополнительное средство легитимации власти. Однако использование именно этого инструмента для идеологического обоснования княжеских властных полномочий связано с широкомасштабными общественно-политическими процессами, речь о которых шла выше.

Еще одним подтверждением этого служит очевидная динамика привлечения князьями духовенства к решению политических вопросов. Так, в летописи встречается один единственный пример участия духовенства в событиях, относящихся к X в., когда епископы повлияли на решение князя Владимира в вопросе казни разбойников [19, стб. 111]. Остальные сюжеты подобного характера относятся уже к концу XI–XII вв.: их гораздо больше, и интеграция духовных лиц в политический процесс выше. Так, в 1128 г. игумен монастыря св. Андрея, «свѣкупивъше сборъ иереискѣи» [19, стб. 291], отговаривает Мстислава Владимировича от похода на Ярослава Святополковича. В 1136 г. очередной этап противостояния Ярополка Владимировича и Ольговичей заканчивается тем, что князья «целовавше хрестъ межю собою ходачю ме ими чѣтному Михаилу митрополиту со крѣтмъ и вда Ярополкъ Олговичемъ ѿчину свою» [Там же, стб. 299]. В 1140 г. митрополит выступает посланником Вячеслава Владимировича в разрешении конфликта со Всеволодом Ольговичем, подошедшим с вой-

ском к Киеву [Там же, стб. 303]. В том же 1140 г. новгородцы присылали епископа к Всеволоду Ольговичу с требованием о смене князя [Там же, стб. 307–308]. Наконец, в 1146 г. Онуфрий, епископ Черниговский принимает активное участие в процедуре крестного целования между двумя Давыдовичами и Ольговичами [Там же, стб. 324].

Таким образом, приведенный выше анализ источников позволяет утверждать, что интронизация князя Изяслава соответствовала «вызовам» времени. При этом последние были связаны не столько с ситуацией середины XII в. – спорной легитимностью киевского правления Изяслава и его борьбой с Юрием Долгоруким – сколько с протяженными во времени и пространстве общественно-политическими процессами. Они были выражены в трансформациях русской политической элиты – кризисе государства трибутарного типа, выделении аристократии в качестве противовеса правящей династии и попытке последней опереться на другую категорию крупных землевладельцев, представленную духовенством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов Ю. А.* Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. 2021. Т. 33. С. 13–18.
2. *Бибиков М. В.* Генезис и парадигматика идеи власти в Византии // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тезисы докладов. Москва: Индрик, 2004. С. 11–15.
3. *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (73). С. 118–139.
4. *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* Правовые акты Русской митрополии источников: на международных и междисциплинарных путях // Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 35–57.
5. *Виноградов А. Ю.* Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики: ежеквартальное издание. 2022. № 2 (88). С. 5–16.
6. *Гайденок П. И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси : дисс. ... д. и. н.: 07.00.02. Екатеринбург, 2011. 459 с.
7. *Гвозденко К. С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2009. № 1 (35). С. 17–35.
8. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполит., 1953. 568 с.
9. *Долгов В. В.* Древняя Русь. Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2004. 216 с.
10. *Ионайтис О.Б.* Византия и Русь: развитие философских традиций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 269 с.
11. *Котышев Д.М.* Инвеститура киевских князей XI–XII вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология, 2022. Т. 32. Вып. 1. С. 93–100.
12. *Котышев Д.М.* От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX–XII вв. М.: Центрполиграф, 2019. 254 с.
13. *Лавренченко М. Л.* «Быти всеѣм за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2014. №1 (55). С. 43–57.
14. *Назаренко А. В.* Об обстоятельствах учреждения Смоленской епископии // Средневековый Новгород. К 80-летию со дня рождения В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 468–481.
15. *Поппэ А.* Учредительная грамота Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: АН СССР, 1966. С. 59–71.
16. *Плотникова О. А.* Становление и развитие властных структур в древнерусском обществе IX–XII вв. : дисс. ... к.и.н.: 07.00.02. М., 2003. 202 с.
17. *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 244 с.
18. *Полное собрание русских летописей.* Том I. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926–1928. 379 с.
19. *Полное собрание русских летописей.* Том II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
20. *Пузанов В. В.* Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение» // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 102–111.
21. *Ричка В. М.* «Владимиръ на столѣ» (Обряд интронизації в Київській Русі) // Ruthenica. 2007. Т. VI. С. 115–134.
22. *Соколов Ю. А.* Дядя против племянника // Древняя Русь: во времени, в личностях, в пространстве. 2015. Вып. 4. С. 112–137.
23. *Стефанович П. С.* «Большая дружина» в Древней Руси // Российская история. 2011. № 5. С. 78–90.

24. Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1991. 173 с.
 25. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб.: Алетейя, 1998. 541 с.
 26. Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228 с.

Поступила в редакцию 12.12.2022

Николаева Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук,
 преподаватель кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени
 Института истории и международных отношений
 ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
 E-mail: natp@sfedu.ru

N.D. Nikolaeva

**ENTHRONEMENT OF IZYASLAV MSTISLAVICH IN KIEV (1146)
 IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-151-159

The article attempts to resolve the historiographical "oxymoron" - the coexistence of ideas about Prince Izyaslav Mstislavich as an innovator ruler and an archaic ruler. The enthronement of Izyaslav in Kiev in 1146 was chosen as the starting point for the study. This choice is due to the fact that this ritual action is the focus of political and ideological constructs and patterns that are the basis of the prince's rule. Based on the analysis of sources, the author comes to the conclusion that the innovations introduced by Izyaslav Mstislavich in the enthronement – visit to the church of St. Sophia, worship of the Virgin, Lity – were a manifestation of a socio-political process extended in time and space. We are talking about the transformation of the system of relations among the ruling elite: the allocation of the aristocracy as a counterweight to the princely power and the attempt of princes to create a support in the face of another category of large landowners – the clergy.

Keywords: Izyaslav Mstislavich, Vladimir Monomakh, enthronement, clergy, aristocracy, crisis of the tributary type state.

REFERENCES

1. *Artamonov Yu. A.* Ob uchastii cerkvi v intronizacii knyazej Drevnej Rusi [On the participation of the Church in the enthronement of the princes of Ancient Russia]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, 2021, t. 33, pp.13–18. (In Russian).
2. *Bibikov M. V.* Genezis i paradigmatica idei vlasti v Vizantii [Genesis and paradigmatics of the idea of power in Byzantium]. *Reprezentaciya verhovnoj vlasti v srednevekovom obshchestve (Central'naya, Vostochnaya i Yugo-Vostochnaya Evropa)* [Representation of supreme power in medieval society (Central, Eastern and Southeastern Europe)]. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 11–15. (In Russian).
3. *Vinogradov A. Yu., Zheltov M. S.* «Pervaya eres' na Rusi»: russkie spory 1160-h gg. ob otmene posta v prazdnichnye dni ["The first heresy in Russia": Russian disputes of the 1160s on the abolition of fasting on holidays]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2010, № 3 (73), pp. 118–139. (In Russian).
4. *Vinogradov A. Yu., Zheltov M. S.* Pravovye akty Russkoj mitropolii istochnikov: na mezhdunarodnyh i mezhdisciplinarnyh putyah [Legal acts of the Russian Metropolia of Sources: on international and interdisciplinary paths]. *Yubilejnyj sbornik v chest' A.V. Nazarenko* [Anniversary collection in honor of A.V. Nazarenko]. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018, pp. 35–57. (In Russian).
5. *Vinogradov A. Yu.* Religioznyj aspekt ceremonii voknyazheniya v domongol'skoj Rusi [The religious aspect of the coronation ceremony in Pre-Mongol Russia]. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki: ezhekvartal'noe izdanie*, 2022, № 2 (88), pp. 5–16. (In Russian).
6. *Gajdenko P. I.* Stanovlenie vysshego cerkovnogo upravleniya v Kievskoj Rusi: diss. ... d. i. n. [The formation of the supreme Church administration in Kievan Rus: PhD]. Ekaterinburg, 2011, 459 p. (In Russian).
7. *Gvozdenko K. S.* Ceremoniya knyazheskoj intronizacii na Rusi v domongol'skij period [The ceremony of the princely enthronement in Russia in the pre-Mongol period]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2009, № 1 (35), pp. 17–35. (In Russian).
8. *Grekov B. D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, Gospolit Publ., 1953, 568 p. (In Russian).
9. *Dolgov V. V.* Drevnyaya Rus'. Mozaika epohi. Oчерki social'noj antropologii obshchestvennyh otnoshenij XI–XVI vv. [Ancient Russia. Mosaic of the epoch. Essays on the social anthropology of public relations of the XI–XVI cen-

- turies]. Izhevsk, Udmurt University Press, 2004, 216 p. (In Russian).
10. *Ionajtis O. B.* Vizantiya i Rus': razvitie filosofskih tradicij [Byzantium and Russia: the development of Philosophical traditions]. Yekaterinburg, Ural University Press, 2002, 269 p. (In Russian).
 11. *Kotyshev D. M.* Investitura kievskih knyazej XI–XII vv. [Investiture of the Kievan princes of the XI–XII centuries]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya, 2022, t. 32 (1), pp. 93–100. (In Russian).
 12. *Kotyshev D. M.* Ot Russkoj zemli k zemle Kievskoj. Stanovlenie gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'e v IX–XII vv. [From the Russian land to the land of Kiev. The formation of statehood in the Middle Dnieper in the IX–XII centuries]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2019, 254 p. (In Russian).
 13. *Lavrenchenko M. L.* “Быти всѣм за один брат”. Pragmatika terminov rodstva v dialogah Kievskoj letopisi (1146–1154) [“Быти всѣм за один брат”. Pragmatics of Kinship Terms in the Dialogues of the Kiev Chronicle (1146–1154)]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki, 2014, №1 (55), pp. 43–57. (In Russian).
 14. *Nazarenko A. V.* Ob obstoyatel'stvah uchrezhdeniya Smolenskoj episkopii [On the circumstances of the establishment of the Smolensk Bishopric] Srednevekovyj Novgorod. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. L. Yanina [Medieval Novgorod. To the 80th anniversary of the birth of V. L. Yanin]. Moscow, Monuments of historical thought Pamyatniki Publ., 2009, pp. 468–481. (In Russian).
 15. *Poppe A.* Uchreditel'naya gramota Rostislava Mstislavicha [The founding charter of Rostislav Mstislavich]. Arheograficheskij ezhegodnik za 1965 god, 1966, pp. 59–71. (In Russian).
 16. *Plotnikova O. A.* Stanovlenie i razvitie vlastnyh struktur v drevnerusskom obshchestve IX–XII vv.: diss. ... k.i.n. [Formation and development of power structures in Ancient Russian society in the 9th–12th centuries]. Moscow, 2003, 202 p. (In Russian).
 17. *Priselkov M. D.* Oчерки po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X–XII vv. [Essays on the ecclesiastical and political history of Kievan Rus of the 9th–12th centuries]. Saint Petersburg, Science Publ., 2003, 244 p.
 18. *Polnoe sobranie russkikh letopisej.* Tom I. Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Volume 1. The Laurentian Chronicle]. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1926–1928, 379 p. (In Russian).
 19. *Polnoe sobranie russkikh letopisej.* Tom II. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Volume 2. The Ipatiev Chronicle]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1998, 648 p. (In Russian).
 20. *Puzanov V. V.* Knyazheskie insignii v srednevekovoj Rusi i «Batyevoy znamenii» [Princely insignia in Medieval Russia and the "Batu Sign"], Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2011, Vol. 153, pp. 102–111. (In Russian).
 21. *Richka V. M.* “Владимиръ на столѣ” (Obryad intronizacii v Kiivs'kij Pyci) [The rite of enthronement in Kievan Rus], Ruthenica, 2007, vol. VI, pp. 115–134. (In Ukrainian).
 22. *Sokolov Yu. A.* Dyadya protiv plemnyannika [Uncle versus Nephew], Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v prostranstve, 2015, №. 4, pp. 112–137. (In Russian).
 23. *Stefanovich P. S.* «Bol'shaya družhina» v Drevnej Rusi [The "Big Squad" in Ancient Russia]. Rossijskaya istoriya, 2011, № 5, pp. 78–90. (In Russian).
 24. *Chichurov I. S.* Politicheskaya ideologiya Srednevekov'ya. Vizantiya i Rus' [Political ideology. Medieval Byzantium and Russia.]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 173 p. (In Russian).
 25. *Shmurlo E. F.* Kurs russkoj istorii. Vozniknovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva (862–1462) [The course of Russian history. The emergence and formation of the Russian State (862–1462)]. Saint Petersburg, Alethea Publ., 1998, 541 p. (In Russian).
 26. *Shchapov Ya. N.* Gosudarstvo i Cerkov' v Drevnej Rusi, X–XIII vv. [The state and the church in Ancient Russia. 10–12 centuries.] Moscow, Science Publ., 1989, 228 p. (In Russian).

Received 12.12.2022

Nikolaeva N.D., Candidate of History, Lecturer of the Department of National History of the Middle Ages and Modern Times of the Institute of History and International Relations
Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya st., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006
E-mail: natp@sfnu.ru